На правах рукописи

БУЛАТАЯ Елена Васильевна

ИРОНИЯ КАК ИМПЛИЦИТНАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(на материале произведений Н.В. Гоголя и их немецкоязычного перевода)

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Калининград

2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор **Ваулина Светлана Сергеевна**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор **Кузнецова Анна Владимировна** (ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», профессор кафедры отечественной литературы)

кандидат филологических наук, профессор **Николина Наталия Анатольевна** (ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой русского языка)

Ведущая организация: ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН»

Защита состоится 13 октября 2017 г. в 15.30 на заседании диссертационного совета Д 212.084.06 при Балтийском федеральном университете им. И. Канта по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56-а, ауд. 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте http://www.kantiana.ru/postgraduate/dis-list/211555/ Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Автореферат разослан ____ августа 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета А.Н. Черняков

Реферируемая диссертационная работа посвящена анализу иронии как имплицитной формы выражения авторской модальности в художественном тексте на материале произведений Н.В. Гоголя и их немецкоязычного перевода.

В современных лингвистических исследованиях с их последовательной антропоцентрической направленностью при общем интересе к тексту важное место занимает изучение его семантических категорий, в том числе тех, которые не представлены явно в единицах языка, а имеют имплицитный характер. Это объясняется, прежде всего, тем, что имплицитный смысл выступает как «один из компонентов информационно-содержательного пространства текста» [Ермакова 2010б: 4], представляя в его семантике «глубинный (имплицитный) смысловой уровень – уровень личностных смыслов автора и интерпретаторов текста, которые также "извлекают" из текста свои смыслы» [Барышева 2016: 7]. При этом немаловажен тот факт, что, отражая авторский замысел, имплицитная информация может служить репрезентации ценностного отношения автора к изображаемым в художественном тексте явлениям, выполняя эмоционально-оценочную функцию. Одной из важных форм проявления имплицитной оценки в художественном тексте выступает ирония, которая по своей природе является семантической категорией скрытого характера, вносящей в текст оценочные смыслы.

Безусловный интерес представляет исследование иронии в художественном тексте, в котором данный феномен предстает как способ отражения неявной оценочной позиции автора, выступает элементом его мировоззрения [см., например: Жукова 2003; Иванова 1998, 2006; Шумкова 2007; Кузнецова 2012, 2014], формирует его идиостиль [см., например: Каменская 2001; Желватых 2006; Воробьева 2008; Петрова 2010], раскрывая не только писательское кредо, но и лейтмотив произведения. Лежащая в основе иронии оценка позволяет трактовать данную категорию как компонент авторской модальности, «которая формируется широкой системой модально-оценочных значений, содержащихся в различных структурно-смысловых элементах текстового пространства» [Девина 2011: 28], и тем самым говорить о сложном ироническом смысле [см., например: Походня 1984], актуализирующемся в различных контекстных условиях. При этом перспективным с точки зрения современной лингвистики является межъязыковой сопоставительный анализ иронии в художественном тексте оригинала и его перевода, позволяющий определить языковые возможности реализации и передачи иронического смысла в условиях межъязыкового посредничества, что не только «открывает доступ в творческую лабораторию писателя» [Карякина 1998: 11], но и «обеспечивает манифестирование особенностей конкретной лингвокультуры» [Самыгина 2013: 6] на определенном этапе исторического развития.

Вместе с тем следует заметить, что современный подход к изучению иронии в художественном тексте, несмотря на его актуальность, остается все же

недостаточно разработанным, поскольку ирония как «живой и сложный феномен, который не может быть загнан в жесткую схему» [Пивоев 2000: 5], и как категория, сопряженная с функционированием имплицитной информации, сама по себе предопределяет трудности восприятия, декодирования и интерпретации иронического смысла в языке художественной литературы. Это требует более детального исследования внутренних механизмов актуализации иронического смысла, обусловливая необходимость выделения и анализа основных средств выражения иронии в художественном тексте, в том числе и в плане межъязыкового сопоставления.

Вышеизложенные обстоятельства определяют **актуальность** настоящего диссертационного исследования, непосредственным **объектом** которого является ирония как имплицитная оценка в семантическом поле авторской модальности, а **предметом** анализа – средства выражения иронии в произведениях Н.В. Гоголя и их немецкоязычном переводе.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении и классификации языковых средств выражения иронии как компонента авторской модальности в оригинальных текстах произведений Н.В. Гоголя и текстах их немецкоязычного перевода.

На достижение вышеуказанной цели исследования направлено решение ряда конкретных **задач**:

– определить семантический объем категории иронии в современной лингвистике;

– установить специфику и условия реализации иронии в языке художественного произведения;

– осуществить семантико-стилистическую характеристику разноуровневых средств актуализации иронического смысла в оригинальных текстах произведений Н.В. Гоголя и текстах их перевода на немецкий язык;

– выявить основные механизмы актуализации иронического смысла в произведениях Н.В. Гоголя;

– установить основные формы реализации иронической оценки, отражающие модально-ценностные установки и интенции автора рассматриваемых произведений;

– выявить особенности передачи иронического смысла в оригинальных художественных текстах Н.В. Гоголя и их немецкоязычном переводе.

Цель и задачи диссертационной работы определили выбор комплексной **методики** исследования, включающей методы описательного, семантико-стилистического, контекстуального, сопоставительного анализа, а также метод количественных подсчетов. В ходе анализа использовались данные толковых и двуязычных словарей русского и немецкого языков.

Теоретическую базу исследования составили положения по теории текста [Гальперин 1981; Валгина 2003; Бабенко 2004; Бондарко 2001; Тураева

2009; Фатеева 2007], имплицитности [Балли 1955; Сильман 1969; Грайс 1985; Краже 1986; Бондарко 2006; Арнольд 2002, 2010; Долинин 1983, 1985; Ермакова 1996, 2009, 2010; Шатилова 2011], иронии [Пивоев 1982, 2000; Бахтин 1979, 1990; Борев 1970, 2002; Походня 1984, 1989; Сергиенко 1995; Иванова 1998, 2006; Каменская 2001; Ермакова 2007, 2011, 2014; Шилихина 2008, 2014; Кузнецова 2012, 2014, 2015], модальности [Балли 1955; Виноградов 1950; Бондарко 1971, 1990, 2008; Золотова 1973; Шмелева 1984, 2008; Ваулина 1988, 2013; Ваулина, Кукса 2009; Ваулина, Девина 2010; Тураева 1994; Зеленщиков 1997; Романова 2003, 2008; Новоженова 2008], сопоставительного анализа и перевода [Бархударов 1975; Гак 1977, 1979; Швейцер 1988; Nord 1989; Комиссаров 1973, 1980, 1990; Гладров 1994; Виноградов В.С. 1978, 2001; Сорокин 2003; Казакова 2006; Дербишева 2007].

Материалом для исследования послужили оригинальные тексты произведений Н.В. Гоголя (поэма «Мертвые души», комедия «Ревизор», повести, входящие в циклы «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Петербургские повести») и тексты их перевода на немецкий язык. Общий объём проанализированного материала составляет более 2000 страниц.

Выбор произведений Н.В. Гоголя в качестве материала исследования обусловлен тем, что он принадлежит к числу крупнейших классиков русской литературы. При этом все произведения писателя характеризуются тонкой иронией. «Ирония, – отмечает М. Эпштейн, – пронизывает все творчество Гоголя, все его художественное мировоззрение: от кратких реплик … до целого построения собирательных образов …» [Эпштейн 2015: 61].

Из имеющихся немецких переводов произведений Н.В. Гоголя для анализа нами были выбраны переводы А. Элиасберга (поэма «Мертвые души», повести из циклов «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Петербургские повести»), Ф. Фидлера (комедия «Ревизор»), Ш. Кениг (повесть «Старосветские помещики») и К. Хольма («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Достоинством данных переводов является то, что они выполнены непосредственно с русского языка на немецкий, неоднократно переиздавались и переиздаются по сей день, пользуясь признанием как у специалистов, так и у читателей.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые проведен комплексный анализ разноуровневых языковых средств выражения иронии как имплицитной оценки в семантическом поле авторской модальности на материале разножанровых произведений Н.В. Гоголя и их перевода на немецкий язык, установлены механизмы формирования иронического смысла и основные формы реализации иронической оценки.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что ее материал, наблюдения и выводы вносят определенный вклад в разработку иронии как категории текста и компонента авторской модальности, а изучение иро-

нии в сопоставительном аспекте позволяет установить не только типологические, но и внутриязыковые средства ее реализации, отражающие национально-культурную специфику русского и немецкого языков, и тем самым вносят вклад в исследования по теории языка и лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его основных положений, материалов и выводов в лекционных курсах по коммуникативной грамматике, лингвистике текста, лингвокультурологии, спецкурсах и семинарах по модальности и лингвостилистическому анализу художественного текста, а также в переводческой практике.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на кафедре исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Балтийского федерального университета им. И. Канта, были представлены в докладах на «Аспирантских чтениях – 2016» в Барановичском государственном университете (Барановичи, Республика Беларусь), международных научных и научно-практических конференциях «Science and civilization – 2015» (Шеффилд, 2015), «Содружество наук. Барановичи – 2015 / 2016» (Барановичи, 2015, 2016), «Модальные аспекты речевой коммуникации» (Калининград, 2015), «Национально-культурный компонент в тексте и языке» (Минск, 2015), «Соловьевские чтения – 2016» (Минск, 2016), «Общество, познание и современность» (Нижний Новгород, 2016), «Лингвистика, методика преподавания, переводоведение: актуальные проблемы теории и практики» (Нижний Новгород, 2016), «Язык и культура» (Новосибирск, 2017), «Язык и динамическая картина мира» (Минск, 2017), а также отражены в пятнадцати публикациях.

В соответствии с поставленной целью в качестве **основных положений**, определяющих научную новизну и теоретическую значимость диссертационной работы, на защиту выносятся следующие:

1. Ирония как самостоятельная форма комического, а также содержательная концептуальная категория текста, характеризующаяся имплицитной природой и оценочностью, выступает в художественном тексте имплицитной формой выражения авторской модальности, раскрывающей ценностные установки и интенции автора.

2. Правильное декодирование и адекватная интерпретация иронии в художественном тексте становятся возможными благодаря анализу данного феномена в различных по объему контекстах, а также требуют учета экстралингвистических факторов реализации иронического смысла.

3. Ирония в художественном тексте может быть эксплицирована посредством разноуровневых языковых средств, содержащих внутренние механизмы формирования иронического смысла. При этом выбор средств выражения иронии, в своей совокупности позволяющих раскрыть сложный идейный замы-

сел автора как в отдельном произведении, так и на межжанровом уровне, определяется интенциями и ценностными ориентациями автора.

4. Ирония, являясь важным компонентом авторской модальности в произведениях Н.В. Гоголя, реализует имплицитную оценку писателя, объектом которой выступают представляемые в произведениях персонажи, социально-нравственные противоречия изображаемой эпохи и общества, и выражается в разнообразных формах эмоционально-оценочного отношения автора к действительности.

5. Средства выражения иронии в оригинальных текстах произведений Н.В. Гоголя и текстах их немецкоязычного перевода характеризуются в целом типологическим сходством, которое опосредовано генетическим родством русского и немецкого языков, а также универсальным характером категории иронии. Вместе с тем при передаче иронического смысла текста оригинала в тексте перевода наблюдаются несоответствия, обусловленные, с одной стороны, смысловой неоднозначностью иронии, детерминированной ее имплицитной природой, с другой, внутриязыковой спецификой и национально-культурными особенностями рассматриваемых языков.

Цель и задачи исследования определили **структуру** работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, включающей список использованной научной литературы, список словарей и энциклопедических изданий, указатель литературных источников, а также шести приложений, иллюстрирующих результаты исследования.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность диссертации, указываются объект, предмет, цель и задачи работы, характеризуется материал и методы его анализа, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся данные о его апробации, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические предпосылки исследования»**, состоящей из пяти параграфов, содержится обзор теоретических вопросов, непосредственно относящихся к теме данного исследования, излагаются основные теоретические позиции автора.

В ***первом параграфе*** представлены основные подходы к изучению категории имплицитности в лингвистике, анализируются различные термины, используемые для обозначения явно не выраженной информации (импликатура, импликация, подтекст, скрытый смысл, косвенный речевой акт, пресуппозиции), определяются функции имплицитной информации в тексте.

С лингвистической точки зрения имплицитность имеет статус универсальной категории, которая «охватывает все языковые области, от фонетики

до стилистики, и проявляется как на уровне слова, так и на уровне высказывания и текста» [Бирюкова 2001: 304]. При этом большой интерес в современной лингвистике, направленной на анализ смысловой стороны текста, представляет изучение речевой имплицитности, подразумевающей «смысл, вытекающий из речевой ситуации и соответствующий ситуативной информации в ее связях со значениями, выраженными в данном высказывании языковыми средствами» [Бондарко 2006: 24]. Как информационная категория текста имплицитная информация способствует структурированию текста, скрыто устанавливая связи между его отдельными частями, а также выполняет функцию компрессии информации на основании экономии языковых средств и функцию увеличения смыслового плана содержания текста. Кроме того, к специфическим функциям имплицитности относится эмоционально-оценочная функция, при этом имплицитная оценка в тексте может быть выражена в различных формах, среди которых важное место принадлежит иронии.

Второй параграф посвящен рассмотрению категории иронии в гуманитарных науках: философии, эстетике, литературоведении и лингвистике.

Ирония, восходящая своими истоками к античной философии, представляла собой риторическое средство, о чем свидетельствует, в частности, «Сократова ирония», трактуемая как метод полемики. Лишь в XVIII веке ирония получает новое освещение в философии, находя свое отражение в трудах Дж. Вико, Ф. Шлегеля, К. Зольгера, Г.В.Ф. Гегеля, С. Кьеркегора и приобретает статус самостоятельной эстетико-философской категории. В эпоху постмодернизма ирония функционирует «в области межкультурной коммуникации» [Пигулевский 2002], а также широко используется в художественной практике [см.: Зинченко 2016: 127].

В эстетике под иронией подразумевается «разновидность комического, а также один из способов создания комедийного образа» [КСЭ]. При этом, по мнению одних исследователей [Лосев 1995; Лосев, Шестаков 1965; Паси 1980; Пивоев 1982, 2000; Любимова 1990], ирония как эстетическая категория является видом комического, то есть эстетического отношения; по мнению других [Лук 1968; Борев 1970, 2002; Пропп 1976; Вулис 1976; Каган 1997], – относится лишь к форме или оттенку какого-либо другого вида комического.

С точки зрения большинства литературоведов [см., например: Allemann 1956; Knox 1961; Дземидок 1974; Тимофеев 1976; Бахтин 1979, 1990; Поспелов 1988], ирония занимает переходное положение между юмором и сатирой и «остается, по существу, одним из видов техники комического, используемой как сатирой, так и юмористикой» [Дземидок 1974: 102]. Однако более обоснованной нам представляется позиция, согласно которой ирония рассматривается в качестве «полноправной формы комического наряду с юмором и са-

тирой» и, тем самым, выступает «таким же элементом мировоззрения, как и они» [Походня 1984: 9].

Исследование иронии в лингвистике связано с традиционным и современным подходами к ее изучению. В соответствии с традиционным подходом ирония трактуется исследователями как троп или стилистический прием [Гальперин 1958; Ахманова 1966; Арнольд 2002; Черняева 1964; Салихова 1976 и др.]. При этом основной акцент лингвисты делают на выявлении особенностей актуализации иронии лишь на лексическом уровне, оставляя за пределами внимания функционирование иронии на других уровнях языка.

В нашем исследовании мы придерживаемся современного подхода к изучению иронии в качестве полноправной формы комического, самостоятельной текстовой категории, которая принимает участие в формировании концептуального содержательно-смыслового аспекта текста и способствует раскрытию мировоззрения и идейного замысла автора.

В ***третьем параграфе*** рассматриваются основные направления в изучении иронии в художественном тексте: функционально-семантический статус иронии, прагматическая целеустановка иронических высказываний, специфика иронической оценки, особенности функционирования иронии как компонента авторской модальности.

Ирония, являясь «концептуальной категорией художественного текста, позволяющей автору имплицитно выразить его эмоционально-оценочные позиции, отношение к изображаемой действительности» [Фомичева 1992: 15], выступает элементом мировоззрения автора, которое пронизывает всю сущность произведения и отражает глубокий взгляд на мир, а также представляет собой важный компонент стиля / идиостиля автора. Прагматический потенциал иронии в художественном тексте выражается в том, что она заключает в себе субъективную оценку и непосредственно зависит от интенций автора, цель которых воздействовать на адресата иронии. При этом в иронической оценке автора выражается широкая «гамма» эмоций и чувств.

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения о том, что ирония как неявная авторская оценка выступает в художественном тексте компонентом авторской модальности, которая «в значительной степени определяется личностными особенностями автора, его эмоционально-этической сферой, аксиологическими установками» [Ваулина, Девина 2010: 9].

В ***четвертом параграфе*** излагается вопрос о восприятии, декодировании и интерпретации иронии в художественном тексте. Сложность процессов восприятия, декодирования и интерпретации иронии детерминирована в первую очередь имплицитным характером категории иронии и обусловливает необходимость учета таких важных компонентов, как контекстная реализация иронического знака в художественном тексте, экстралингвистические

факторы, связанные не только с личностью и социальным положением автора произведения, но и читателя, интерпретатора.

Пятый параграф посвящен рассмотрению проблемы сопоставительного анализа оригинального художественного текста и текста перевода. Внимание уделяется эквивалентности и адекватности перевода, а также особенностям художественного перевода. Важное место в параграфе отводится проблеме перевода иронических выражений в художественном тексте, которая заключается, прежде всего, в передаче не только формальной стороны высказывания, но и в большой степени его эмоционально-оценочного потенциала, заложенного в нем иллокутивного смысла, которые не представлены явно. В этом плане особую трудность образует перевод культурно значимой информации, составляющей основу иронического смысла.

Во **второй главе «Средства выражения иронии в произведениях Н.В. Гоголя и их переводе на немецкий язык»**, состоящей из пяти параграфов, анализируются разноуровневые экспликаторы иронии и устанавливаются особенности их передачи в текстах немецкоязычного перевода.

Первый параграф посвящен проблеме выделения и таксономии средств выражения иронии в художественном тексте, которая, в свою очередь, обусловлена оценочностью и имплицитной природой категории иронии. К средствам выражения иронии как имплицитной оценки мы относим те маркеры, которые не обязательно заключают в себе очевидную оценку объекта оценивания, но указывают на ее наличие в отдельном высказывании или художественном тексте в целом. Причем данные маркеры способны реализовать указанную функцию только в определенном контексте, в соответствии с определенной речевой ситуацией. Ввиду того, что ирония не имеет собственных средств экспликации, исследователи категории иронии в текстовом аспекте [см., например: Походня 1984, 1989; Кагановская 1992; Сергиенко 1995; Палкевич 2001; Каменская 2001; Лазарева 2005; Мухина 2006; Гомлешко 2008а; Петрова 2010; Самыгина 2013; Мирошник 2013 и др.] предлагают выделять их по критерию принадлежности к различным языковым уровням. В произведениях Н.В. Гоголя ирония характеризуется разнообразным составом средств выражения, которые мы подразделяем на лексические, синтаксические, фразеологические и текстовые. Каждая группа средств отличается своими собственными функциональными особенностями и механизмами реализации иронического эффекта в тексте, не исключающими, однако, возможности их взаимосвязи и взаимодействия.

Во ***втором параграфе*** анализируются **лексические средства выражения иронии** (41,3% от общего объема средств выражения иронии), в состав которых входят лексические единицы, формирующие ироническую семантику высказываний в рамках определенной микротемы в произведении. Механизм реализации иронического смысла с помощью лексических средств базирует-

ся на семантическом рассогласовании в контексте, возникающем в результате иронического переосмысления значения лексических единиц, вследствие чего лексемы получают новые коннотации. В ряду лексических средств выражения иронии наиболее частотными являются **имена прилагательные** (28,2% от общего числа лексических экспликаторов иронии), которые уже имеют сему оценочности или же по значению нейтральны, но приобретают оценочную окраску в коммуникативной ситуации. Актуализация иронии посредством данного маркера происходит благодаря тому, что имя прилагательное, подвергаясь ироническому переосмыслению, получает в контексте новый смысл, зачастую прямо противоположный его словарному значению. Например: «Иван Иванович чрезвычайно *тонкий* человек и в порядочном разговоре никогда не скажет неприличного слова и тотчас обидится, если услышит его. <…> Иван Иванович очень сердится, если ему попадется в борщ муха: он тогда *выходит из себя* – и *тарелку кинет*, и *хозяину достанется*» (Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, 310) – «Iwan Iwanowitsch ist ein Mann *von* großem *Zartgefühl*, er gebraucht im Lauf der Unterhaltung nie ein unanständiges Wort und ist entsetzt, wenn er ein solches hören muß. <…> Iwan Iwanowitsch ist sehr empört, wenn er in seiner Suppe eine Fliege findet: er *gerät* dann *außer sich*, *feuert den Teller an die Wand* und *liest dem Wirt entrüstet die Leviten*» (Die Geschichte vom großen Krakeel zwischen Iwan Iwanowitsch und Iwan Nikiforowitsch).

Использование **имен существительных и именных словосочетаний** с целью реализации иронии является также репрезентативным в произведениях Н.В. Гоголя и составляет 23,3% от общего объема лексических средств. Важным механизмом реализации иронии с помощью данного средства становится несоответствие денотата и референта слова в контексте. Например: «В три часа – новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает *весна*: он покрывается весь *чиновниками в зеленых вицмундирах*» (Невский проспект, 7) – «<…> Auf dem Newskij-Prospekt bricht plötzlich *der Frühling* an: er wimmelt auf einmal ganz von *Beamten in grünen Uniformröcken*» (Der Newskij-Prospekt, 870).

Достаточно продуктивным механизмом актуализации иронического смысла посредством **глаголов и глагольных словосочетаний** (20,1% от общего количества примеров с лексическими экспликаторами иронии) является нарушение причинно-следственных связей в контексте, основанное на резком противопоставлении предпосылки и консеквента речевой ситуации. Например: «Городничий. А Прохоров пьян? Частный пристав. Пьян. Городничий. Как же вы это допустили? Частный пристав. Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, – *поехал* туда *для порядка*, а *возвратился пьян*» (Ревизор, 174) – «<…> Stadtteilsaufseher: Gott weiß, wie's geschah! Gestern entstand vor dem Stadttor eine Rauferei, er *fuhr hinaus*, *um Ordnung zu schaffen* und *wurde betrunken heimgebracht*» (Der Revisor, 949).

Вербализации иронического смысла на лексическом уровне способствуют **имена собственные** (10,4% от общего количества лексических средств выражения иронии), представленные в анализируемых произведениях антропонимами и топонимами, в том числе и окказиональными. Например: «Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью *"Храм уединенного размышления"*; пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в аглицких садах русских помещиков» (Мертвые души, 49) – «Unter zwei dieser Birken war ein Pavillon zu sehen, mit flacher grüner Kuppel, blauen Holzsäulen und der Inschrift: *"Tempel einsamer Betrachtung"*; <…>» (Die toten Seelen, 29).

Употребление **лексем с однотипными аффиксами** (10,4% от общего количества примеров лексических маркеров иронии) также способствует экспликации иронии, поскольку аффиксы вносят в слово дополнительные значения, изменяя или дополняя лексическое значение корня слова, и могут заключать в себе субъективно-эмоциональную оценку. Особенно продуктивными в актуализации иронического эффекта являются диминутивы. Например: «Несмотря на то что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или *кусочек яблочка*, или *конфетку*, или *орешек* и говорил трогательно-нежным голосом, выражавшим совершенную любовь: "Разинь, *душенька*, свой *ротик*, я тебе положу этот *кусочек*". Само собою разумеется, что *ротик* раскрывался при этом случае очень грациозно. Ко дню рождения приготовляемы были сюрпризы: какой-нибудь бисерный *чехольчик* на зубочистку…» (Мертвые души, 52) – «Obwohl sie schon seit mehr als acht Jahren verheiratet waren, pflegte eines dem anderen bald *ein Stückchen Apfel*, bald *einen Bonbon* oder *eine Nuß* darzureichen und dabei mit rührend zärtlicher Stimme zu sagen, die von vollkommener Liebe zeugte: "*Herzchen*, mach doch dein *Mündchen* auf, ich will dir dieses *Stückchen* hineinlegen." Es versteht sich von selbst, daß *das Mündchen* in solchen Fällen äußerst graziös geöffnet wurde. Zu Geburtstagen gab es immer Überraschungen, z. B. *ein* perlengesticktes *Beutelchen* für einen Zahnstocher» (Die toten Seelen, 32).

Экспликаторами иронии могут выступать **лексемы-цветообозначения** (7,2% от общего числа примеров с лексическими маркерами иронии), которые, выполняя характеризующе-оценочную функцию, служат актуализации иронического смысла в контексте. При этом ярким способом выражения иронии выступает перечисление лексем-цветообозначений, создающее в контексте эффект гиперболизации. Например: «Я тебе, Чичиков, – сказал Ноздрев, – покажу отличнейшую пару собак <…> Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и густо-псовых, и чисто-псовых, всех возможных цветов и мастей: *муругих*, *черных с подпалинами*, *полво-пегих*, *муруго-пегих*, *красно-пегих*, *черноухих*, *сероухих*...» (Мертвые души, 101) – «<…> Als sie in den Hof traten, erblickten sie eine Menge von Hunden: glatthaarige und langhaarige von allen Farben,

rote mit schwarzen Schnauzen, *schwarze mit braunen Flecken*, *weiße mit gelben Flecken*, *rotbraune*, *gelbbraune*, *schwarzohrige*, *grauohrige*» (Die toten Seelen, 88).

Третий параграф посвящен анализу **синтаксических средств выражения иронии** (32% от общего объема средств выражения иронии), способных передавать неоднозначные смыслы, тонкие оттенки семантического содержания структуры. Наибольшей частотностью в данной группе средств характеризуются **локальные повторы** (25% от общего количества синтаксических маркеров иронии), участвующие в актуализации связности и целостности отдельных микроструктур текста, репрезентирующие определенную микротему произведения. Например: «Здесь вы встретите *усы* чудные, никаким пером, никакою кистью не изобразимые; *усы*, которым посвящена лучшая половина жизни, – предмет долгих бдений во время дня и ночи, *усы*, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорты помад, *усы*, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою, *усы*, к которым дышит самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие» (Невский проспект, 5 – 6) – «Hier sehen Sie *Schnurrbärte*, so herrlich, wie man sie mit keiner Feder beschreiben, mit keinem Pinsel darstellen kann; *Schnurrbärte*, denen die bessere Hälfte des Lebens geweiht ist, die den Gegenstand der größten Sorgfalt bei Tag und bei Nacht bilden; *Schnurrbärte*, mit den herrlichsten Parfüms begossen, mit den kostbarsten und seltensten Pomaden gesalbt; *Schnurrbärte*, die für die Nacht in das feinste Velinpapier gewickelt werden; *Schnurrbärte*, die von der rührendsten Anhänglichkeit ihrer Besitzer betraut werden und auf die alle Vorübergehenden neidisch sind» (Der Newskij-Prospekt, 868).

Достаточно продуктивными в рассматриваемых произведениях являются **восклицательные предложения** (23,9% от общего количества репрезентаций иронии посредством синтаксических маркеров) как синтаксическое средство выражения иронического смысла с высокой эмоциональной насыщенностью. Зачастую ирония реализуется с помощью восклицательных предложений, в которых содержатся абсурдные рассуждения. Например: «– Слушай, Иван Федорович! я хочу поговорить с тобою сурьезно. Ведь тебе, слава богу, тридцать осьмой год. <…> Тебе непременно нужна жена... <…> – *Как жена!* Нет-с, тетушка, сделайте милость... Вы совершенно в стыд меня приводите... я еще никогда не был женат... *Я совершенно не знаю, что с нею делать! <…> Жить с женою!.. непонятно! Он не один будет в своей комнате, но их должно быть везде двое!..*» (Иван Федорович Шпонька и его тетушка, 159) – «<…> "*Was, Frau!* Nein, Tantchen, tun Sie mir den Gefallen ... Sie beschämen mich ... Ich bin noch nie verheiratet gewesen ... *Ich weiß gar nicht, was ich mit ihr anfangen soll!*" <…> *Mit einer Frau leben! ... Unverständlich! Er wird nicht mehr allein in seinem Zimmer sein, es werden ihrer überall zwei sein müssen!*» (Iwan Fjodorowitsch Schponjka und sein Tantchen, 679 – 680).

Способность **вводных слов** актуализировать иронический смысл (12,5% от общего количества примеров с синтаксическими экспликаторами иронии) непосредственно соотносится с их основной функцией – выражением значений субъективной модальности. Однако вводные слова являются вспомогательным экспликатором иронии и во многом зависят от контекстного наполнения высказывания. Например: «Супруга его, еще женщина свежая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцеловать свою руку и потом, переворотивши ее на другую сторону, целовала его руку. Но значительное лицо, *совершенно*, *впрочем*, *довольный домашними семейными нежностями*, нашел приличным *иметь для дружеских отношений приятельницу* в другой части города» (Шинель, 138) – «<…> Er war *also in seinem Familienleben recht glücklich*, und doch *pflegte* er *freundschaftlichen Verkehr mit einer Dame,* die in einem andern Stadtteil wohnte …» (Der Mantel, 862).

Роль **вставных конструкций** (11,4% от общего количества примеров с синтаксическими средствами экспликации иронии) в процессе реализации иронии опосредована их способностью выражать модально-оценочные значения и способствовать манифестированию авторского слова. Вставные конструкции выступают, как правило, в качестве меткого замечания, основывающегося на внешне положительном коммуникативном намерении автора. Например: «Дамы тут же обступили его [Чичикова. – *Е.Б.*] блистающею гирляндою и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий <…> В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных, бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать *(до такой степени дошла тонкость вкуса)*» (Мертвые души, 198) – «<…> Die Toiletten zeigten ein wahres Meer von Geschmack: die Mousseline-, Atlas- und Gazestoffe waren von den modernen blassen Tönen, für die es sogar keine Namen gibt – *so raffiniert war der Geschmack!*» (Die toten Seelen, 193).

Достаточно репрезентативным в произведениях Н.В. Гоголя является использование **риторических вопросов** (10,4% от общего количества примеров с синтаксическими маркерами иронии), которые отличаются особой эмфатичностью и, создавая в художественном тексте эффект недосказанности, предоставляют читателю возможность самостоятельно сделать выводы относительно подразумеваемого в риторическом вопросе смысла. Например: «Светского человека нечего винить, что он не смыслит в живописи; зато он смыслит в картах, знает толк в хорошем вине, в лошадях, – *зачем знать больше барину?* Еще, пожалуй, как попробует того да другого да пойдет умничать, тогда и житья от него не будет!» (Портрет, 102) – «Man darf einem Menschen aus der vornehmen Gesellschaft nicht vorwerfen, daß er nichts von Malerei versteht: dafür versteht er sich auf Karten, auf guten Wein und auf Pferde; *was braucht so ein vornehmer Herr noch mehr zu verstehen?* <...>» (Das Porträt, 822).

Несобственно-прямая речь как экспликатор иронии (10,4% от общего количества примеров с синтаксическими экспликаторами иронии) дает автору возможность косвенно выразить свою оценочную позицию в художественном тексте, поскольку совмещает в себе речь автора в форме повествования и речь персонажа как проявление его внутренних мыслей. Например: «Мавра ушла, а Плюшкин, севши в кресла и взявши в руку перо, долго еще ворочал на все стороны четвертку, придумывая: *нельзя ли отделить от нее еще осьмушку*, но, наконец, убедился, что *никак нельзя*; всунул перо в чернильницу с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне и стал писать <…> лепя скупо строка на строку, и не без сожаления подумывая о том, что *всё еще останется много чистого пробела*» (Мертвые души, 160 – 161) – «Mawra ging, Pljuschkin setzte sich aber in den Sessel, ergriff die Feder und drehte das Blatt lange hin und her, um festzustellen, ob *sich nicht die Hälfte davon ersparen ließe*; schließlich kam er zur Überzeugung, daß *es doch nicht ging*; er tauchte die Feder in das Tintenfaß <…> setzte dicht Zeile an Zeile und dachte nicht ohne Bedauern daran, daß *doch noch ein leerer Raum übrigbleiben mußte*» (Die toten Seelen, 152).

К синтаксическим средствам выражения иронии мы относим средства пунктуации, представленные в произведениях Н.В. Гоголя **многоточием** (6,2% от общего количества примеров с синтаксическими маркерами иронии). В художественном тексте многоточие создает, как правило, экспрессивную тональность и может указывать на глубокое подтекстное содержание [см.: Валгина 2003: 269]. В анализируемых произведениях многоточие выполняет функцию неодобрения и образует иронический подтекст. Например: «Жена его ... впрочем, они были совершенно довольны друг другом. <…> Не мешает сделать еще замечание, что Манилова ... но признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед» (Мертвые души, 52 – 54) – «Seine Frau ... sie waren übrigens miteinander durchaus zufrieden. <…> Es wäre nicht überflüssig, hier zu bemerken, daß Frau Manilowa ... ich muß aber gestehen, daß ich einige Scheu habe, über die Dame zu sprechen; außerdem ist es längst Zeit, daß ich zu unseren Helden zurückkehre <…>» (Die toten Seelen, 32 – 33).

В ***четвертом параграфе*** содержится анализ **фразеологических единиц языка как средства выражения иронии** (9% от общего объема средств выражения иронии). Наиболее частотным маркером гоголевской иронии в данной группе средств являются **полные фразеологизмы** (77,8% от общего количества примеров с фразеологическими экспликаторами иронии). При этом механизм актуализации иронического смысла базируется, с одной стороны, на особенностях самого фразеологического оборота и его семантики, с другой, – на ироническом переосмыслении фразеологизма в контексте. Напри-

мер: «Чичиков поклонился с признательностью. Узнавши, что он шел в палату за совершением купчей, Манилов изъявил готовность ему сопутствовать. <…> Из окон второго и третьего этажа иногда высовывались *неподкупные головы жрецов Фемиды* и в ту ж минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник» (Мертвые души, 175); «Чичиков, вынув из кармана бумажку, положил ее перед Иваном Антоновичем, которую тот совершенно не заметил и накрыл тотчас ее книгою. Чичиков хотел было указать ему ее, но Иван Антонович движением головы дал знать, что не нужно показывать» (Там же, 177) – «<…> Aus den Fenstern des ersten und des zweiten Stocks blickten *die unbestechlichen Häupter der Priester der Themis* heraus, die sofort wieder verschwanden, weil wohl in diesem Moment ein Vorgesetzter ins Zimmer trat» (Die toten Seelen, 168); «Tschitschikow holte aus der Tasche eine Banknote hervor und legte sie vor Iwan Antonowitsch, der sie gar nicht bemerkte und sofort mit einem Buche zudeckte. <…>» (ibd., 171).

Весьма показательны с точки зрения выражения иронии в произведениях Н.В. Гоголя **индивидуально-авторские трансформации фразеологических единиц** (22,2% от общего количества примеров с фразеологическими экспликаторами иронии), возникающие, как правило, в результате изменения компонентного состава фразеологизма и являющиеся неотъемлемым источником экспрессии и оценочности в художественном тексте. Например: «Артемий Филиппович. С тех пор, как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероятным, – все *как мухи выздоравливают*» (Ревизор, 194) – «Kurator: Seit Tage, da ich die Anstalt unter meine Aufsicht genommen – die Tatsache mag Ihnen unglaublich scheinen – *gesunden* die Patienten *wie die Fliegen*!» (Der Revisor, 974).

В ***пятом параграфе*** рассматриваются **текстовые средства выражения иронии** (17,6% от общего количества средств выражения иронии), специфические особенности которых заключаются в их определяющей роли при раскрытии лейтмотива произведения, формировании сложного иронического образа в тексте, установлении глубоких смысловых связей в рамках мегаконтекста. Одним из наиболее частотных текстовых экспликаторов иронии выступают **интертекстуальные включения** (33,9% от общего количества примеров с текстовыми средствами выражения иронии), которые являются способом представления авторских суждений с помощью чужих слов. Механизм реализации иронии посредством интертекстуальных включений опосредован как содержательным аспектом цитируемого текста, так и особенностями его функционирования в новых контекстных условиях. При этом в произведениях Гоголя экспликации иронии служат не только прямые цитаты, но и аллюзии и пародии. Например: «Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем. Хлестаков. Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: *"Законы осуждают". Мы удалимся под сень*

струй... Руки вашей, руки прошу!» (Ревизор, 222) – «Anna Andreevna: Aber erlauben Sie mir die Bemerkung ich bin gewissermaßen … verheiratet. Chlestakow: Da tut nichts! Die Liebe unterscheidet nicht, und schon Karamsin hat gesagt: *"Gesetze verdammen". Wir eilen unter den Schattenhort der Fluten* ... Ihre Hand, ich bitte ihre Hand!» (Der Revisor, 1008).

Авторские отступления и комментарии, составляющие в анализируемых произведениях 20,7% от общего количества примеров с текстовыми средствами выражения иронии, являются сигналами присутствия в произведении образа автора и создают сложные ассоциативные связи между повествованием и авторским настроением, тем самым выступая актуализаторами авторской иронии в чистом виде. Процесс реализации иронии с помощью данного средства связан с функционированием различных взаимодополняющих механизмов, обусловливающих дисгармоничность тона в тексте. Например: «Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор *благоговения к тем спасительным пользам*, которые приносит французский язык России, как ни исполнен *благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества*, изъясняющегося на нем во все часы дня, *конечно*, *из глубокого чувства любви к отчизне*, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму» (Мертвые души, 219) – «Es schadet nicht zu bemerken, daß das Gespräch der beiden Damen sehr viele fremdsprachige Worte und sogar ganze französische Sätze enthielt. Aber so sehr auch der Autor *den heilsamen Nutzen anerkennt*, den die französische Sprache unserer Heimat bringt, so *groß auch seine Ehrfurcht vor der lobenswerten Gewohnheit unserer höheren Klassen* ist, diese Sprache zu allen Stunden des Tages, *natürlich nur aus tiefster Liebe für ihr Vaterland*, zu gebrauchen, trotzdem kann er sich unmöglich entschließen, in dieses russische Poem einen Satz aus irgendeiner fremden Sprache aufzunehmen» (Die toten Seelen, 217).

Важным экспликатором иронии на текстовом уровне являются **общетекстовые повторы** (16,9% от общего количества примеров с текстовыми экспликаторами иронии), которые, выступая в качестве способа логико-семантической связи в художественном тексте, используются автором на протяжении произведения в различных речевых ситуациях и характеризуются дистантным расположением повторяющихся элементов. В анализируемых произведениях общетекстовые повторы, служащие актуализации иронического смысла, представлены как идентичными повторами, так и повторами с синонимической и антонимической связью. В этом плане особым потенциалом обладает общетекстовый антонимический повтор, в котором повторяющиеся элементы выступают контекстуальными антонимами, способствующими возникновению противоречия и двусмысленности в произведении.

Например: «Нельзя было глядеть без участия на их *взаимную любовь*. Они никогда не говорили друг другу ты, но всегда вы; вы, Афанасий Иванович; вы, Пульхерия Ивановна» (Старосветские помещики, 169); «Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой *долгой, медленной, почти бесчувственной привычки*» (Там же, 184) – «Man konnte nicht gleichgültig bleiben, wenn man sah, wie *innig* sie *einander liebten*; obwohl sie sich nicht duzten sondern sich stets mit Sie anredeten: Sie, Afanassji Iwanowitsch! Sie! Pulcheria Iwanowna!» (Gutsbesitzer aus der alten Zeit); «Wie dem auch sein mag, in jenem Augenblick schienen mir all unsere Leidenschaften so kindisch im Vergleich zu dieser *allmählichen, fast unbewußten Gewöhnung*» (ibd.).

Гротеск (11,3% от общего количества примеров с текстовыми средствами выражения иронии) мы выделяем как экспликатор иронии на уровне текста, поскольку в произведениях Н.В. Гоголя гротескное изображение действительности является одним из ведущих способов создания глубоких комических образов и выступает в качестве особенного художественного метода автора. Например: «Чиновник задумался, что означали крепко сжавшиеся его губы. – Нет, я не могу поместить такого объявления в газетах, – сказал он наконец после долгого молчания. – Как? Отчего? – Так. Газета может потерять репутацию. Если всякий начнет писать, что у него сбежал нос, то...» (Нос, 46); «Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал … что у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам» (Там же, 49); «Вошел полицейский чиновник красивой наружности <…> который в начале повести стоял в конце Исакиевского моста. – Вы изволили затерять нос свой?» (Там же, 51) – «Der Beamte überlegte sich den Fall <…> "Nein, ich kann eine solche Anzeige nicht einrücken", sagte er endlich nach langem Schweigen. "Wie? Warum?" "So. Die Zeitung könnte um ihren guten Ruf kommen. <…>"» (Die Nase, 755 – 756); «Der Polizeikommissär empfing Kowaljow ziemlich kühl und sagte, daß … einem ordentlichen Menschen werde aber niemand die Nase abbeißen» (ibd., 758); «Herein trat ein Polizeibeamter von sympathischem Aussehen… der zu Beginn unserer Erzählung am Ende der Isaaksbrücke gestanden hatte. "Sie haben Ihre Nase zu verlieren geruht?"» (ibd., 760).

Сочетание текстовых средств выражения иронии со средствами других уровней (16,9% от общего количества примеров с текстовыми экспликаторами иронии) обеспечивает комплексную актуализацию иронического смысла в произведении, заостряя внимание автора на нескольких аспектах иронической оценки. В анализируемых произведениях достаточно продуктивным является сочетание текстовых средств в форме интертекстуальных включений с лексическими средствами выражения иронии. Например: «Но поручик Пирогов имел множество *талантов*, собственно ему принадлежав-

ших. Он превосходно *декламировал стихи* из *"Димитрия Донского"* и *"Горе от ума"*, имел особенное искусство *пускать из трубки дым кольцами* так удачно, что вдруг мог нанизать их около десяти одно на другое. Умел очень приятно *рассказать анекдот* о том, что *пушка сама по себе, а единорог сам по себе*» (Невский проспект, 26) – «Der Leutnant Pirogow verfügte aber außerdem noch über eine Menge anderer *Talente*, die nur ihm allein eigen waren. Er *deklamierte* vorzüglich *Verse* aus dem *"Dmitrij Donskoi"* und aus *"Verstand schadet"* und verstand ausgezeichnet, *Rauchringe aus seiner Pfeife steigen zu lassen*, von denen er zuweilen ganze zehn Stück aufeinanderreihen konnte. Er verstand auch sehr angenehm den bekannten *Witz* zu *erzählen*, daß *"die Kanone ein Ding für sich und auch das Einhorn ein Ding für sich sei"*» (Der Newskij-Prospekt, 892).

В **заключении** излагаются основные результаты исследования.

Являясь самостоятельной формой комического, ирония выступает в качестве многоаспектной категории, характеризующейся эмоционально-оценочным характером и смысловой неоднозначностью, которая детерминирована ее имплицитной природой. В художественном тексте ирония выполняет субъективно-оценочную функцию, раскрывая прагматические намерения и ценностные установки автора, и выступает важным компонентом авторской модальности. При этом ирония как самостоятельная концептуальная категория художественного текста участвует в организации его смыслового содержания и реализует авторскую имплицитную оценку с помощью средств, выделяемых в соответствии с различными уровнями языка.

Гоголевская ирония выражается посредством богатой «палитры» разноуровневых средств: лексических, синтаксических, фразеологических и текстовых, – составляющих в совокупности комплексный способ критического осмысления действительности и способствующих реализации авторской модальности. Функционирование средств экспликации иронии базируется на механизмах формирования иронического смысла, которые основаны на отношениях несоответствия и противоречия в рамках контекстно обусловленной речевой ситуации, реализующейся в микротеме или общей глобальной теме произведения. При этом выделение разноуровневых средств выражения иронии не основано на четко очерченных границах и является достаточно условным, допускающим их взаимодействие.

Функционирование лексических, синтаксических и фразеологических средств осуществляется в рамках отдельных миниситуаций в произведении, связанных с определенными микротемами, в то время как текстовые средства охватывают макро- или мегаконтекст, а также требуют обращения к вертикальному контексту. Более того, декодирование иронии, реализованной посредством текстовых маркеров, требует от читателя в большей степени экстралингвистических знаний, в особенности историко-литературных и культуроведческих. Выявление же иронии, выраженной лексическими, син-

таксическими и фразеологическими средствами, осуществляется преимущественно на основании анализа языкового контекста. Отметим также, что ирония в проанализированных произведениях реализуется как непосредственно через авторское повествование, так и речь персонажей.

Рассмотрение иронии в двуязычной коммуникации позволило обнаружить несоответствия при передаче иронического смысла текста оригинала в тексте перевода, заключающиеся как в особенностях языковой структуры переводного, немецкого, языка, так и национальных чертах немецкой культуры, что указывает на необходимость учета переводчиком не только формальной стороны, но и межкультурной специфики вербализации эмоционально-оценочной информации, детерминированной семантической неоднозначностью иронического знака. Кроме того, трудности, возникающие при переводе иронических высказываний в проанализированных произведениях, свидетельствуют о сложной и уникальной манере гоголевского повествования. При этом специфические черты функционирования экспликаторов иронии в оригинальных и переводных текстах зафиксированы преимущественно в ситуациях передачи оттенков значения лексем, имеющих в составе определенные аффиксы, при переводе фразеологических единиц, вводных слов, идентичных повторов, а также интертекстуальных включений. Тем не менее, в целом средства выражения иронии в оригинальных текстах произведений Н.В. Гоголя и текстах их немецкоязычного перевода характеризуются типологической общностью, что обусловлено как генетическим родством русского и немецкого языков, так и универсальным характером категории иронии.

Проведенный анализ позволил констатировать, что ирония как имплицитная форма выражения авторской модальности участвует в формировании идейно-образной системы произведений Н.В. Гоголя, реализуясь на межжанровом уровне, и выступает эффективным средством в авторском стиле писателя, с помощью которого он обличает различные противоречия изображаемой эпохи и общества, используя иронию в качестве своеобразного способа постижения истины. При этом ирония в произведениях Гоголя имеет пейоративную окраску и реализуется в таких оценочных категориях, как насмешка, презрение, негодование, осуждение, пренебрежение, сожаление, огорчение, возмущение, недоумение, мнимая похвала / неистинное одобрение. Однако в некоторых случаях ироническая оценка писателя получает оттенки легкой, незлобивой насмешки, подшучивания или подтрунивания.

В заключение отметим, что данное диссертационное исследование, ограниченное поставленными в нем задачами, отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту проведенного в нем анализа всех проблемных аспектов категории иронии в художественном тексте, но, как нам представляется, открывает перспективы дальнейших исследований, связанных с рассмотрением иронии в сравнении с другими формами представления оценки в художе-

ственном тексте, с сопоставительным изучением иронии в произведениях нескольких авторов, что позволит более глубоко проникнуть в природу категории иронии, определить специфику ее реализации как компонента авторской модальности и, тем самым, расширить научные сведения о содержательном объеме и средствах выражения последней.

Основные положения диссертации отражены в пятнадцати публикациях автора общим объемом 5,9 п.л.:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ

1. *Булатая Е.В.* Способы выражения неявной оценки персонажей в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводе на немецкий язык // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. № 1. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 37 – 42 (0,4 п.л.).
2. *Булатая Е.В.* Средства актуализации иронии в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводе на немецкий язык // Всероссийский научный журнал «Общественные науки». № 2 (Т. 1). М.: АНО «Международный исследовательский институт», 2016. С. 25 – 35 (0,65 п.л.).
3. *Булатая Е.В.* Ирония как способ выражения неявной оценки в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Мир русского слова. № 4. СПб.: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2016. С. 66 – 71 (0,6 п.л.).
4. *Булатая Е.В.* Ирония в художественном тексте и специфика ее перевода на немецкий язык (на материале повестей Н.В. Гоголя) // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. № 1. Курск: Изд-во ЮЗГУ, 2017. С. 15 – 22 (0,7 п.л.).
5. *Булатая Е.В.* Повтор как средство актуализации иронического смысла в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя и их перевода на немецкий язык) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. № 1. Сер. Филология, педагогика, психология. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. С. 13 – 18 (0,4 п.л.).
6. *Ваулина С.С., Булатая Е.В.* Текстовые средства экспликации иронии как компонента авторской модальности в произведениях Н.В. Гоголя // Международный научно-исследовательский журнал. № 4 (58). Ч. 2. Екатеринбург, 2017. С. 20 – 23 (0,5 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

7. *Булатая Е.В.* Соотношение эксплицитной и имплицитной информации в художественном тексте // Materials of the XI International scientific and

practical conference «Science and civilization». Volume 16. Philological sciences. Sheffield: Science and education LTD, 2015. С. 83 – 86 (0,25 п.л.).

8. *Булатая Е.В.* Имплицитная оценка в художественном тексте (на материале рассказов А.П. Чехова) // Содружество наук 2015: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей. В 3 ч. Ч. 3. Барановичи: Изд-во БарГУ, 2015. С. 76 – 78 (0,35 п.л.).

9. *Булатая Е.В.* Лексико-семантические средства выражения иронии в произведении Н.В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Категория модальности в речевой коммуникации: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 144 – 149 (0,35 п.л.).

10. *Булатая Е.В.* Особенности изучения феномена иронии в лингвистической парадигме // Содружество наук 2016: материалы XII междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей. Ч. 1. Барановичи: Изд-во БарГУ, 2016. С. 16 – 17 (0,3 п.л.).

11. *Булатая Е.В.* Ирония в произведениях Н.В. Гоголя как способ отражения русской языковой культуры (на материале повести «Старосветские помещики») // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. №10. Нижний Новгород: Открытое знание, 2016. С. 23 – 26 (0,25 п.л.).

12. *Булатая Е.В.* Ирония как способ выражения имплицитного смысла в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя) // Общество, познание и современность: сб. науч. тр. по матер. I междунар. науч.-практ. конф. 30 ноября 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 42 – 48 (0,3 п.л.).

13. *Булатая Е.В.* К вопросу иронической оценки в художественном тексте // Лингвистика, методика преподавания, переводоведение: актуальные проблемы теории и практики: сб. науч. тр. по матер. I Междунар. науч.-практ. конф. 25 декабря 2016 г. Нижний Новгород: Открытое знание, 2016. С. 19 – 23 (0,25 п.л.).

14. *Булатая Е.В.* Стилистические средства выражения иронии в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: прагматический и переводческий аспекты // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы VI междунар. науч. конф., посвящ. памяти профессора С.М. Прохоровой, 3 – 5 декабря 2015 г. Минск: МГЛУ, 2017. С. 121 – 124 (0,25 п.л.).

15. *Булатая Е.В.* Синтаксические средства экспликации иронии в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя) // Язык и культура: сб. материалов XXVII Междунар. науч.-практ. конф. № 27. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2017. С. 83 – 88 (0,35 п.л.).

Булатая Елена Васильевна

Ирония как имплицитная форма выражения
авторской модальности в художественном тексте
(на материале произведений Н.В. Гоголя и их
немецкоязычного перевода)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 28.07.2017 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 1/16.
Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5
Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 90 экз. Заказ

Отпечатано полиграфическим отделом
Издательства Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6.